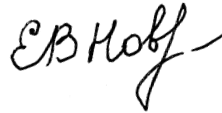

На правах рукописи

НОВОКРЕЩЕННЫХ Екатерина Владимировна

**СТРУКТУРНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ГРЕХ»
В РУССКОЙ И АНГЛО-ИРЛАНДСКОЙ ЭПИСТЕМАХ
НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.:
СЕМИОТИКА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИНВЕРСИЙ
(на материале произведений Л.Н. Толстого, Т. Гарди и Дж. Джойса)**

**Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание**

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тюмень – 2016

Работа выполнена на кафедре английского языка Института филологии и журналистики федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Тюменский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Белозерова Наталья Николаевна

Официальные оппоненты: **Бобырева Екатерина Валерьевна**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

Шитиков Петр Михайлович
кандидат филологических наук, кандидат
богословия, помощник ректора по научной
работе ДОО ВО «Тобольская духовная
семинария Тобольско-Тюменской епархии
Русской православной церкви»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»

Защита состоится 22 декабря 2016 г. в 9:00 на заседании совета Д 212.274.15 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, д. 9, ауд. 211.

С диссертацией можно ознакомиться в Информационно-библиотечном центре Тюменского государственного университета по адресу: 625003, ул. Семакова, д. 18, 2-й этаж, Читальный зал для научных сотрудников.

Автореферат разослан «_» _____ 2016 года.

*Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.274.15
кандидат филологических наук, доцент*

T.V. Сотникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы и актуальность темы исследования.

Настоящее диссертационное исследование посвящено выявлению и сопоставлению языковых реализаций концепта «грех» в русской и англо-ирландской эпистемах рубежа XIX–XX вв. на материале произведений художественной литературы этой эпохи.

Религиозные и этические концепты и их вербализация в письменной и устной речи в последние два десятилетия все чаще становятся предметом лингвистических и филологических исследований. Примером такого рода работ могут послужить статья Д.С. Лихачева «Концептосфера русского языка» (1993), исследования авторов научных сборников «Логический анализ языка. Культурные концепты» (1991), «Логический анализ языка. Языки этики» (2000), «Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции» (2000), книга Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» (1997; 2004), сборники «Евангельский текст в русской литературе XVII–XX вв.» (Петрозаводск, 1994), «Христианство и русская литература: взаимодействие этнокультурных и религиозно-этических традиций в русской мысли и литературе» и др. Научный интерес к религиозным концептам в российской гуманитарной науке неслучаен: с одной стороны, в связи с переменами в общественном сознании, слова, ранее признанные устаревшими или книжными, вновь становятся актуальными, с другой — многим словам возвращается их «старый» смысл. Интерес к изучению этико-религиозных концептов формирует в ученом сообществе запрос на исследования подобного рода, что определяет **актуальность** избранной нами темы.

Понятие **концепта** на сегодняшний день является актуальным для многих гуманитарных наук — философии, психологии, лингвистики (лингвокогнитологии, лингвокультурологии, психолингвистики, контрастивной лингвистики), литературоведения, искусствоведения. В России концепт как термин впервые был озвучен в 1928 г. С.А. Аскольдовым. Концепт связан, хотя и не тождествен им, с такими понятиями, как *символ* (С.С. Аверинцев), *лектон*, *эйдос* (А.Ф. Лосев), *знак*, (*художественный образ*). Во второй половине XX в. в свете развития дискурсивно-когнитивной гуманитарной парадигмы термин «концепт» был актуализирован и уточнен многими учеными, среди которых — Д.С. Лихачев (1993), Ю.С. Степанов (1997, 2004), Е.С. Кубрякова (1997, 2004), В.И. Карасик (2002), З.Д. Попова, И.А. Стернин (2007), В.Б. Касевич (2013) и др. На протяжении более тридцати лет развивается теория разновидности

концепта, получившей название *фрейм* (М. Минский, 1979; М.Л. Макаров, 1998; Е.А. Семухина, 2008 и др.). Концепт рассматривается в междисциплинарном поле (Зусман 2003), в т.ч. в поле философии, культурологии и лингвокогнитологии (Сорокина 2011); вводятся термины *культурный концепт* (Карасик 2002), *константа* (Степанов 2004), *художественный концепт* (Тарасова 2010), *метафизический концепт* (Воркачев 2001) и др.

Основы для изучения *концепта «грех»* заложены, в первую очередь, в богословских исследованиях, в учениях о грехе (амартологии) и спасении (сотериологии), в трудах святых Дионисия Ареопагита, Григория Нисского, Василия Великого, Августина Блаженного и др. В XIX-XX вв. толкования понятия «грех» мы находим в лексикографии русского и церковнославянского языков: «Словарь церковно-славянского и русского языка» (1847), «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (1880-1882), «Полный церковно-славянский словарь: со внесением в него важнѣйшихъ древне-русскихъ словъ и выражений» (Г. Дьяченко, 1900), «Словарь древняго славянскаго языка: сост. по Остромирову евангелию» (1899), «Материалы для словаря древне-русского языка по письменнымъ памятникамъ» (1893-1912) и др.; в лексикографии английского языка: “An universal etymological English dictionary comprehending the derivations of the generality of words in the English tongue...” (N. Bailey, 1721), “A New Dictionary on Historical Principles” (1919) и др. Важные, осмысленные уже с позиций эпистемы первой трети XX в., характеристики греха обнаруживаем в трудах философов П.А. Флоренского (1914; 1990), С.Н. Булгакова (1917; 1994), И.А. Ильина (2003) и др., в трехтомном словаре «Христианство» под редакцией С.С. Аверинцева и др. (1993). В современных работах исследователей-лингвистов изучается актантная структура грехов (В.Г. Гак, 2000), сопоставляется концепт «грех» в русском и итальянском языках (Л.Г. Панова, 2000), смежные концепты «стыд» (Б.А. Ларин, 1977; Н.Д. Арутюнова, 2000), «покаяние» (А.М. Камчатнов, 2005).

Концептуализация явлений и понятий религиозной жизни связана с религиозной традицией обществ, с языком богослужения и проповеди, но одновременно вмещает в себя значения древних (дохристианских) прототипов и позднейшие смысловые наслоения. Новые семантические наслоения особенно ощутимы в эпохи, когда происходят перемены в эпистемах, приводящие к диффузии, т.е. взаимопроникновению значений. Научный интерес представляет то, как взаимодействуют смысловые

«слои» в одном концепте. Сопоставительное исследование полевых структур концепта «грех» в национальных эпистемах, принадлежащих к одной эпохе, предпринято в данной работе впервые.

Объектом настоящего исследования является концепт «грех» в английской, ирландской и русской художественной литературе рубежа XIX-XX вв. **Предмет исследования** — постоянные и переменные параметры концепта «грех».

Цель настоящей работы — выявить структурные реализации и инверсии концепта «грех» в романах Л.Н. Толстого «Воскресение», Т. Гарди (T. Hardy) “Tess of the d’Urbervilles” («Тэсс из рода д’Эрбервиллей») и Дж. Джойса (J. Joyce) “A Portrait of the Artist as a Young Man” («Портрет художника в юности»). Для достижения цели решаются следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть понятие концептуального анализа — *концепт* — в поле анализа художественного текста;
- 2) выявить предпосылки эпистемологического анализа художественного текста;
- 3) выработать дискурсивный и структурно-семиотический подходы к анализу концепта;
- 4) выявить основные (ядерные) номинации концепта «грех» в русском и английском языках и подходы к определению греха на основе словарных дефиниций;
- 5) выявить реализации концепта «грех» в указанных романах;
- 6) выявить черты традиции и инверсии в реализации концепта с эпистемологической точки зрения.

Материалом исследования послужили оригиналы романов Л.Н. Толстого «Воскресение» (1899), Т. Гарди (T. Hardy) «Тэсс из рода д’Эрбервиллей» (англ. “Tess of the d’Urbervilles”, 1891) и Дж. Джойса «Портрет художника в юности» (“A Portrait of the Artist as a Young Man”, 1916). Всего была изучена 1081 страница оригинальных текстов: 360 страниц русского текста (по изданию: Толстой Л.Н. Воскресение: роман. М.: Худож. лит., 1978. 397 с.), 508 страниц текста английского автора на английском языке (по изданию: Hardy T. Tess of the d’Urbervilles. Penguin Popular Classics, 1994. 508 p.) и 213 страниц текста ирландского автора на английском языке (по изданию: Joyce, James. A Portrait of the Artist as a Young Man / Edited with an Introduction and Notes by Jeri Johnson. Oxford: New York: Oxford University Press, 2008. 289 p.). В качестве дополнительного материала использовались ранние редакции романа Л.Н. Толстого

«Воскресение» (по изданию: Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 тт. Т. 33. Воскресение: черновые редакции и варианты / под общ. ред. В.Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1935. С. 3-326).

Научная новизна работы заключается в проведении комплексного сопоставительного анализа концепта «грех» в трех культурах одного временного периода с точки зрения эпистемологического подхода, в применении эпистемологического анализа к изучению концепта, в раскрытии структурно-семиотических механизмов концептуальных инверсий, а также в совмещении структурного и концептуального методов.

При выполнении настоящей работы использованы следующие **методы**:

1) эпистемологического анализа (при рассмотрении трех различных систем знаний, характерных для трех культур — русской, английской и ирландской — в одну эпоху — на рубеже XIX-XX вв.);

2) концептуального анализа (для выявления гештальтных характеристик концепта, его постоянных и переменных составляющих, концептуальных инверсий);

3) дефиниционного, этимологического и компонентного анализа (при работе со словарными статьями и при описании номинативного поля изучаемого концепта);

4) контекстуального анализа (для выявления характеристик, синонимических связей и лексической сочетаемости реализаций концепта «грех»);

5) метод построения номинативного поля концепта в рамках полевого подхода к концепту;

6) структурный метод (для рассмотрения структуры персонажей произведений как средства реализации концепта);

7) метод семиотического анализа (для изучения актантных структур и нарративных программ как сценариев концептуальных инверсий);

8) сопоставительный метод.

Положения, выносимые на защиту:

1. Для концептуального анализа художественных произведений оптимальным является эпистемологический подход, при котором изучаемый текст отделен от исследователя значительным временным промежутком и, следовательно, не может быть исследован психолингвистическими методами.

2. Концепт «грех», в силу своей неоднородности (сочетания прототипической семы ошибки, дохристианского этико-юридического значения

и христианского значения), может реализовываться в трех различных смыслах — как акт, как состояние человека и как явление (зло, порок).

3. Русская, английская и ирландская эпистемы на рубеже XIX-XX вв. характеризуются как традиционными экспликациями концепта, свойственными предшествующим эпохам, так и концептуальными инверсиями, вызванными новыми толкованиями греха и смежных концептов.

4. Концептуальные инверсии в трех исследуемых литературных произведениях реализуются через структурные элементы персонажа, включая их бытийные и актантные характеристики.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно представляет собой опыт теоретико-методологического совмещения методов концептуального и структурного анализа. Нами была составлена авторская схема структуры литературного персонажа. **Практическая значимость** результатов исследования заключается в том, что они могут быть использованы в преподавании курсов «Когнитивная лингвистика», «Когнитивные модели дискурса», «Литература стран изучаемого языка».

Апробация исследования. Результаты настоящего исследования были использованы в докладах на следующих конференциях: 19-й международной конференции, посвященной 170-летию Т. Гарди (The 19th International Thomas Hardy Conference and Festival, г. Дорчестер, Великобритания, 24 июля — 1 августа 2010 г.), 34-й международной научной конференции «Славяно-русский мир в языковом сознании евразийцев» (г. Тюмень, Россия, 24 мая 2011 г.), 35-й международной научной конференции «Православие и российская культура: прошлое и современность» (г. Тюмень, Россия, 24-25 мая 2012 г.), 3-й международной научной конференции «Экология языка на перекрестке наук» (г. Тюмень, Россия, 15-17 ноября 2012 г.), 1-й студенческой научно-практической конференции ИГН ТюмГУ «Множественность интерпретаций: текст и дискурс сквозь призму времен» (г. Тюмень, Россия, 22 ноября 2012 г.), 36-й международной научной конференции «Православные истоки культуры и словесности (к 1150-летию славянской письменности)» (г. Тюмень — Тобольск — Сургут, Россия, 22-24 мая 2013 г.), 34-м международном симпозиуме г. Альби «Языки и значение» (XXXIVe Colloque International d'Albi «Langages et signification», г. Альби, Франция, 8-12 июля 2013 г.), 10-й международной научной конференции «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (г. Владимир, Россия, 24-26 сентября 2013 г.), 5-й международной научной конференции «Экология языка на перекрестке культур» (г. Тюмень, Россия, 20-21 ноября 2014 г.), 20-й

международной молодежной конференции и летней школе по иудаике «Прикладная конфликтология: евреи, неевреи и мир вокруг них» (г. Москва, 12-17 июля 2015 г.), Международной научно-практической конференции «Русский язык и литература в современных культурных контекстах» (г. Тюмень, Россия, 30-31 октября 2015 г.).

Структура работы. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы. Список литературы включает 197 наименований на русском, английском, французском и испанском языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются *актуальность* выбранной темы исследования, ее *научная новизна, теоретическая и практическая значимость*, определяются *цель, задачи, объект, предмет и методы* исследования, описывается *материал* исследования, формулируются *положения, выносимые на защиту*, характеризуется степень изученности отдельных аспектов темы, указываются сведения об апробации работы и представляется ее общая структура.

Первая глава «Концептуальный и структурный анализ художественного текста» содержит теоретические основы исследования по аспектам заявленной тематики и проблематики. В *первом параграфе, «Концепт как текстовая категория»*, была прослежена история термина *концепт* — одного из ключевых понятий когнитивной лингвистики, изучающей основные механизмы «автоматизации» языковой деятельности — концептуализацию и категоризацию. Обозначены базовые подходы к определению концепта, из которых два — когнитивный и лингвокультурный — выступают в качестве основных.

Согласно первому, когнитивному, подходу, концепт предстает как ментально нечленимый в момент говорения «квант знания», мышления, гештальт, «оперативная единица памяти» (Е.С. Кубрякова), «когнитивная память слова» (С.Г. Воркачев). В когнитивном смысле концепт воспроизводится «в готовом виде» и имманентен мышлению, «автоматизируя» его процессы.

Второй, лингвокультурный, подход предлагает альтернативный взгляд на концепт — как на «базовую единицу культуры» (В.И. Карасик), «сгусток культуры», «ячейку культуры» (Ю.С. Степанов). Этот подход предполагает признание аккумулятивной функции концептов. Ю.С. Степанов вводит понятие *константа*, называя им особый вид концепта, характеризующий какую-либо национальную культуру. Если список

концептов в когнитивном смысле принципиально неконечен, то лингвокультурные концепты включают лишь те, что маркируют данную национальную культуру.

На основе синтеза двух подходов мы выработали *текстовый подход к изучению концептов*. Он основан на междисциплинарном эпистемологическом анализе концептов в письменном тексте (в нашем случае — художественном). Такой взгляд является определяющим, когда текст отделен от нас временным промежутком.

Мы определили, что основные методы анализа концептов в соответствии с текстовым подходом — это *метод поля* (в соответствии с которым выявленные номинации, эксплицирующие концепт, предстают в полевом виде с ядром и периферией) и метод изучения концептуальных инверсий. Концептуальные инверсии представляют собой исторические преобразования концепта, характерные для той или иной эпохи, и составляют переменные параметры концепта (Н.Н. Белозерова).

Во *втором параграфе*, «Термин «эпистема» (по М. Фуко)», раскрывается второе базовое понятие исследования — *эпистема*. Термин эпистема является центральным в труде М. Фуко «Слова и вещи. Археология гуманитарного знания» (Les Mots et les Choses. Une archéologie des sciences humaines, 1966). Фуко понимал под эпистемой совокупность связей, существующих между различными типами дискурсов и соответствующих данной исторической эпохе (Par épistème, Foucault désigne en réalité un ensemble de rapports liant différents types de discours et correspondant à une époque historique donnée : « ce sont tous ses phénomènes de rapports entre les sciences ou entre les différents discours scientifiques qui constituent ce que j'appelle épistème d'une époque ») (Dictionnaire Foucault 2008). Развитием этой идеи является определение Н.Н. Белозеровой: эпистема может быть определена как «совокупность концептов, характерных для этноса в определенный период его развития» (Белозерова 2007).

В *третьем параграфе*, «Художественная литература как индикатор эпистемы. Предпосылки исследования религиозных концептов в произведениях Л.Н. Толстого, Т. Гарди и Дж. Джойса», приводится обоснование рассмотрения текстов трех авторов как знаковых произведений для изучения русской, английской и ирландской эпистем указанного периода — рубежа XIX-XX вв. Здесь мы рассматриваем художественную литературу как транслятор национальных картин мира. В параграфе приводятся исторические, биографические, эпистемологические основания рассмотрения этико-религиозных концептов в произведениях

Л.Н. Толстого, Т. Гарди и Дж. Джойса. Доказывается, что в трактовке этико-юридических и христианских понятий все три автора были склонны как к трансляции традиционных христианских трактовок и являлись носителями христианских традиций (православной, англиканской и католической соответственно), так и к выражению новых концептуальных смыслов.

В четвертом параграфе, «Религиозный дискурс как объект эпистемологического анализа», дискурс о религии рассматривается как специфическая контекстуальная сфера, в которой функционируют религиозные концепты. Автором подчеркивается отличие религиозного дискурса от богословского. Религиозный дискурс шире: его элементы встречаются в художественных, публицистических, научных текстах. Кроме того, он носит двусторонний характер: с одной стороны, в религиозный дискурс входит дискурс религии (дискурс «изнутри»), с другой стороны — дискурс о религии (дискурс «снаружи», вне практик). Проблемной представляется та пограничная дискурсивная область, в которой субъект сочетает оба взгляда. Делается вывод о необходимости семиотически организованного подхода к изучению религиозного дискурса, который представлен на страницах нашего исследования.

В пятом параграфе, «Семиотические и структуральные характеристики литературного героя», в рамках текстового подхода к концепту, обосновываются предпосылки изучения концептуальных инверсий греха через структуру литературного героя художественного произведения. Составлена модель структуры литературного героя, элементы которой являются экспликаторами концепта и концептуальных инверсий греха. Мы опираемся на теорию «персонажа-знака» Ф. Амона, т.к. эта теория рассматривает и смысловые, и функциональные (актантные) характеристики героя. В пятом параграфе также рассмотрена проблема литературного героя и его структуры. На основе теорий литературного героя Л.Я. Гинзбург, А.-Ж. Греймаса, Ф. Амона, М.М. Бахтина, В.Б. Шкловского нами составлена в общем виде модель структурного героя, которая учитывает как содержательные, сущностные характеристики, так и нарративные, функциональные параметры. Разработка такой типовой структуры понадобилась нам, чтобы рассмотреть реализации концепта «грех» на примере различных элементов литературного героя. Структура обобщена в схематическом виде следующим образом (см. ниже Схема 1.1. Структура литературного героя):

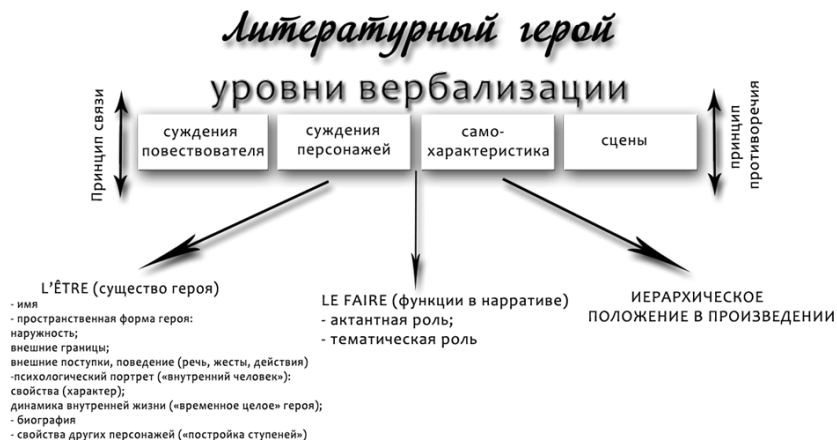

Схема 1.1. Структура литературного героя

Вторая глава «Структурные реализации концепта «грех» в русской, английской и ирландской художественной литературе рубежа XIX-XX вв. (на материале произведений Т. Гарди, Дж. Джойса и Л.Н. Толстого)» содержит подробное изложение результатов практического исследования материала художественных текстов, проведенного нами на основе выбранного теоретико-методологического подхода.

В первом параграфе «Номинативное поле концепта «грех» в русском и английском языках» с помощью полевого метода изучена полевая структура концепта «грех». Для составления полевой структуры мы использовали материалы и словари соответствующей эпистемы (рубеж XIX-XX вв.), **расширительно включив также словари более раннего издания.**

На материале лексикографических источников и исследований философов конца XIX — первой трети XX в. составлено номинативное поле концепта «грех». Мы пришли к выводу, что грех может быть определен **как акт**, т.е. частный поступок (синонимический ряд: *вина, проступок, ошибка, преступление* и др.); **как сущность** — «в метафизическом корне» (по выражению П. Флоренского), т.е. как *ничто*, или *не-сущее, зло* и др.; наконец, как **состояние человека**, как причастность греху. Выявлено, что с позиций светской морали грех чаще всего сводится к поступку, поэтому для более полного понимания русского концепта «грех» делается заключение о необходимости обращения к церковнославянским

толкованиям. В отношении английского языка выявлена стабильность словарной вербализации концепта в наиболее общем значении греха как нарушения закона Бога или морали, англ. *transgression*. При этом *грех как акт* является основным экспликатом греха как постоянного параметра концепта в обоих языках.

Исследование концепта «грех» в исследуемых произведениях представлено соответственно во *втором, третьем и четвертом параграфах* диссертационного исследования — «**Концепт «грех» и его инверсии в рамках структур героев романа Л.Н. Толстого «Воскресение», «Концепт «грех» и его инверсии в рамках структур героев романа Т. Гарди “Tess of the d’Urbervilles”» и «Концепт «грех» в структуре героя романа Дж. Джойса “A Portrait of the Artist as a Young Man”: концептуальные инверсии**». Сопоставительный анализ полученных результатов представлен в пятом параграфе — «**Сопоставительные характеристики экспликаций концепта «грех» в русской, английской и ирландской эпистемах на рубеже XIX-XX вв. (на материале произведений Л.Н. Толстого, Т. Гарди и Дж. Джойса)**». Данные сопоставительные характеристики мы подробно изложены ниже.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭКСПЛИКАЦИЙ КОНЦЕПТА «ГРЕХ» В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И ИРЛАНДСКОЙ ЭПИСТЕМАХ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л.Н. ТОЛСТОГО, Т. ГАРДИ И ДЖ. ДЖОЙСА)

В основе эпистемологического изучения этико-религиозных концептов трех синхронно существующих культур — русской, английской и ирландской — на рубеже XIX-XX в. лежит **метод сопоставления**. Сопоставляя способы вербализации концепта «грех» в трех романах, мы обнаруживаем черты сходства и различия в его выражении.

При сопоставительном анализе художественных текстов романов Л.Н. Толстого «Воскресение», Т. Гарди «Тэсс из рода д’Эрбервиллей» и Дж. Джойса «Портрет художника в юности», в полной мере выражающих русскую, английскую и ирландскую эпистемы на рубеже XIX-XX вв., в соответствии с целью работы определены следующие закономерности (сходства и различия) выражения концепта «грех»:

1. Во всех трех романах концепт «грех» реализуется его постоянными и переменными экспликаторами. Ядром постоянных эспликаций является

лексема *грех*, которая встречается в романах Л.Н. Толстого и Т. Гарди реже (менее 30 употреблений), чем в романе Дж. Джойса (около 120 употреблений). Преобладание использования лексемы в тексте Джойса связано с намеренно частым использованием религиозной лексики в III главе романа. Контекстуальный, синонимический анализ и анализ грамматических показателей и лексической сочетаемости показали, что *грех как акт* является основным значением постоянного экспликатора концепта «грех» во всех трех романах.

2. Эпистемологический анализ трех романов показал, что шире, чем переменные экспликатеры, используется реконцептуализация концепта в виде концептуальных инверсий в структуре героев.

3. И в русском, и в английском, и в ирландском романах происходит обращение к библейскому первоисточнику — **истории грехопадения Адама и Евы**. При этом у Гарди для характеристики главных героев используются имена Адама и Евы. Напротив, у Толстого подобные номинации не представлены; нигде, к примеру, Катюша не именуется Евой. При этом Толстой так или иначе проводит евангельскую мысль через весь роман — и обрамляет его, как венцом, обширными евангельскими цитатами (три эпиграфа — вначале и чтение Нагорной проповеди — в конце). Рассмотрим эпиграфы к роману «Воскресение», в которых находим экспликацию концепта «грех»:

Матф. Гл. XVIII. Ст. 21. Тогда Петр приступил к нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? 22. Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз [цит. по: Толстой 1978, 21].

Матф. Гл. VII. Ст. 3. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? [цит. по: Толстой 1978, 21].

Иоанн. Гл. VIII. Ст. 7. ...кто из вас без греха, первый брось на нее камень [цит. по: Толстой 1978, 21].

Такие различия в цитации связаны с тем, что Толстой занимался **перео смыслением**, «реидеологизацией» евангельского слова; неслучайно Нехлюдов в романе ставит себе целью сделать это слово «живым», применимым «практически». Также для Толстого актуально обращение именно к новозаветному слову, а ветхозаветные мотивы присутствуют скрыто, неэксплицированно, в то время как Гарди обращается к ветхозаветному пласту. В то же время, если образы Адама и Евы имплицитно или эксплицитно реализуются в структурах героев и в актантных схемах у Гарди и Толстого, в романе Джойса грехопадение (*original sin, первородный*

грех) используется для выражения *концептуальной оппозиции* “*obedience / disobedience*” (грехопадение Адама и Евы рассматривается как первородное повреждение (corruption) и как корень и прототип любого человеческого непослушания: “But there was one condition imposed on them by God: obedience to His word”; “...if men would obey the word of His church they would still enter into the eternal life...”). Человечество в романе Джойса называется *the sons and daughters of Adam* («сыновья и дочери Адама»), далее упоминается *the sin of our first parents* («грех наших прародителей»); сами Адам и Ева называются *degraded parents* («согрешившие родители») (примеры из романа «A Portrait of the Artist as a Young Man»).

4. В романах Толстого и Гарди реализуется не нашедшая отражения в романе Джойса инверсия библейского грехопадения, при искушение приходит через мужчину, а не через женщину. Инверсия у Гарди, однако, осложняется тем, что он не ограничивается героем, выполняющим роль искусителя (Алек д’Эрбервилль), а вводит еще и второго героя-«праведника» (Энджела Клэра), который, однако, не в меньшей степени способствует гибели героини. При этом наблюдается явное сходство двух главных героинь — Тэсс Дарбейфилд и Катюши Масловой. Их физическая привлекательность делает их уязвимыми для внешнего мира, который ввергает их в грех. Кроме того, героинь объединяет трагическая неопределенность их положения, в том числе и социального, выраженная даже в их именах — *Катюша* (не Катька и не Катенька, а *между*), Тэсс *Дарбейфилд* (в обычной деревенской фамилии еще слышен отзвук (*д’Эрбервилль*), говорящий о знатности рода, которому героиня по рождению принадлежит). Не менее трех раз образ жертвы подчеркивается в романе Гарди через сравнение героини с птицей; с «недобитой птицей» сравнивается и Катюша Маслова в романе «Воскресение». Отсутствие подобной актантной реконцептуализации в романе Джойса связано с динамикой лишь одной структуры — героя Стивена Дедала, в то время как у Толстого и Джойса реконцептуализация связана с взаимодействием *двух героев*, один из которых становится «проводником» греха.

5. Во всех трех романах **общество** предстает как **источник греха** через *концептуальные оппозиции* “*right / wrong*” (Джойс), «*виновный / невинный*» (Толстой), при этом происходит *концептуальная инверсия*: то, что обществу и среде кажется грехом, может не являться таковым для героя (отсюда в романах концептуальный тезис «**среда — источник греха**»). Как мы выяснили, человеческое общество в романе Толстого из

проводника истин превращается в искажающее кривое зеркало, в котором переворачиваются все истины; оно само грех и источник порока. Л.Н. Толстой неоднократно реализует в романе концептуальные инверсии (общественный долг оборачивается преступлением, вина — невинностью, любовь — грехом): «Будучи злы, люди пытаются исправлять зло». В романе «Воскресение» все то, что общество в лице светских людей и юридических инстанций, в частности, судебных и церковных, признает грехом, таковым может и не являться. Подчеркивается относительность и даже ложность мирской этической нормы: «Люди считали, что священно и важно не это весеннее утро, не эта красота мира божия, данная для блага всех существ, — красота, располагающая к миру, согласию и любви, а священно и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом». Церковная традиция становится в романе частью этой обескровленной, безжизненной и бессмысленной нормы: «Дети, подражая большим, старательно молились, когда на них смотрели». В приведенном примере с церковной точки зрения можно усмотреть благочестивое воспитание. Сами слова *подражать*, *подражание* имеют в современном употреблении отчетливо негативный оттенок; этот же негативный оттенок присутствует и в тексте. Церковная традиция, однако, знает доброе подражание — подражание Богу и святым, ср. *подражательный* — коему должно последовать (подражательный смирения образ) (Словарь Дьяченко, 1900). Толстой же видит в этом детском подражании взрослым лишь начало лицемерия и самообмана, и в этом видится его оторванность от церковной традиции и церковного понимания добродетели и греха. Обществу и у Толстого, и у Джойса противостоит *природа*, хранящая свою первозданность, Богом установленный порядок: «Даже на тюремном дворе был свежий, живительный воздух полей, принесенный ветром в город. Но в коридоре был удручающий тифозный воздух, пропитанный запахом испражнений, дегтя и гнили, который тотчас же приводил в уныние и грусть всякого вновь приходившего человека». Тюрьма — создание общества, порождение, как бы мы сказали, «системы» — противоречит устройству «мира божия», и связь его с ним осуществляется лишь через небольшое «окно» — тюремный двор. Концептуальная инверсия греха у Джойса завершается и переосмыслением послушания: теперь Стивен послушен не авторитету Церкви, а новому «инстинкту», зову природы, жизни — “the call of life”, жизни с ее смертной красотой (mortal beauty), а не бессмертием (eternal life). (Примеры взяты из романов «Воскресение» и “A Portrait of the Artist as a Young Man”.)

Похожим образом реализуется концепт «грех» и в романе «Тэсс из рода д'Эрбервиллей»: общественное устройство не только не противостоит греху, а усугубляет его. Исследователь К. Томалин называет Тэсс в романе Т. Гарди «ритуальной жертвой общественным ценностям». Путь Тэсс от греха к покаянию выражен в названиях частей романов, которые Гарди неслучайно называет *фазами* (phases): это странное в данном контексте слово не просто подчеркивает динамический характер образа; речь здесь не о «диалектике души», а о социально детерминированном пути женщины: “Maiden — Maiden No More — The Rally — The Consequence — The Woman Pays — The Convert — Fulfilment” («Девушка — Больше не девушка — Выздоровление — Последствия — Женщина расплачивается — Обращенный — Завершение»). Подлинная «диалектика души», путь от греха к покаянию, должен был бы закончиться для героини третьей «фазой» — фазой «выздоровления» (англ. rally), как это, в сущности, случается с героиней Л.Н. Толстого Катюшей Масловой. Для Катюши спасением, путем к преобразению становится арест и тюрьма — своеобразный выход из той социальной детерминированности, в которой она существовала. Для Тэсс моментом преобразования становится встреча с Энджелом Клэром и их чистая взаимная любовь. Однако эта чистая и большая любовь не выдерживает испытания социальным механизмом, выразителем которой становится Энджел, не сумевший сразу простить свою возлюбленную. Пока Энджел на другом континенте обдумывал свое положение и положение Тэсс, «социальная машина» делала свое дело, таким образом как бы вторгаясь в личный процесс покаяния, обрывая его. Новое появление Алека, ставшего проповедником и отрекшегося от своей веры сразу же после встречи с «искусительницей» Тэсс, становится тем необратимым звеном в «процессе», которое полностью и безжалостно переворачивает ситуацию грехопадения («искусительницей» и «виновницей») обвиняется Тэсс, а не Алек). Примечательно, что все это время пребывание Энджела в Бразилии почти никак не описывается, как если бы герой на время выпал из бытия. Впоследствии внезапное возвращение кающегося Энджела, который, наконец, готов принять свою жену, приводит Тэсс практически в состояние безумия, и отчаянные слова Энджела: “Ah — it is my fault!” («Ах, это моя вина!») уже ничего не могут изменить. Жизнь становится для Тэсс жестокой, бессмысленной игрой, из которой она — внезапно и инстинктивно находит такой же жестокий, бессмысленный выход — убийство Алека д'Эрбервилля, т.е. того, кто казался причиной ее несчастья, но, в сущности, был лишь деталью в том

роковом механизме, частью которого поневоле были и простодушный отец Тэсс, и праведный Энджел. Таким образом, «социальная машина» становится в обоих романах тем уродливым, искажающим истину средством, которое ведет человека от преступления к новому преступлению.

Тем не менее, как обнаружено, существуют различия в реализации этой идеи у Гарди и Толстого: если Толстой находит для героини выход в социальной маргинализации¹, то в случае с романом Гарди арест и казнь героини знаменуют невозможность ее дальнейшего физического существования и земного духовного пути. Героиня романа Гарди, в отличие от героини Толстого, для которой открывается будущее, — это заведомо жертва абсурдной «социальной машины», если можно так сказать, его «отработанный материал»; надежды повествователь возлагает не на грядущее преобразование героини, а на *неповторение* с другими того, что с ней случилось, и в этом принципиальное отличие романа «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» от романа «Воскресение».

В отличие от романа Толстого, структуры героев (Тэсс и Стивена соответственно) в романах Джойса и Гарди намеренно предстают в виде **фаз** — этапов развития, на каждом из которых реализуется та или иная концептуальная оппозиция греха. Но если у Гарди осуществляется переход концепта «грех» из этико-религиозной в сферу карательных социальных рычагов, то у Джойса, в силу артистической позиции героя, его образа художника, который принимает концепцию имманентности природы и человека, проходит этап освобождения от концепта «грех»: Стивен именуется на финальной стадии *loveless* и *sinless* («без любви» и «без греха»). То, что было греховным в католической традиции, становится для героя Джойса частью человеческой природы и красоты.

6. В романе Л.Н. Толстого мы также обнаружили явление, которое выделил В. Шкловский и назвал «*постройкой ступеней*»: выражение свойств героя через другого персонажа. Приведем пример такого «перехода» из одного героя в другого. Подробно описанный туалет Нехлюдова до встречи Масловой в суде выдает в нем типичного представителя греховного общества, стремящегося, однако, к внешней

¹ Маргинализация (как положительное, а не отрицательное явление) у Толстого — это не проституция, которая означала для героини существование по правилам общества, а именно выпадение из социальной сферы, отказ жить по ее правилам, тюрьма, которая именуется в романе наиболее достойным местом для человека.

чистоте. Его уборная вся пропитана «искусственным запахом эликсиров, одеколona, фиксатуаров, духов». «Там он вычистил особенным порошком пломбированные во многих местах зубы, выполоскал их душистым полосканием, потом стал со всех сторон мыться и вытираться разными полотенцами. Вымыв душистым мылом руки, старательно вычистив щетками опущенные ногти и обмыв у большого мраморного умывальника себе лицо и толстую шею, он пошел еще в третью комнату у спальни, где приготовлен был душ» и т.д. и т.п. «Наведение чистоты» носит лишь внешний, косметический характер; за внешним лоском остается небрежность, некоторая запущенность и даже нездоровье; недаром упоминаются нездоровые зубы Нехлюдова, его «жирное белое тело», смятая постель в его покоях. Мы обнаруживаем сходство героя и героини, и это сходство не только внешнее, но и сходство их жизни: мы видим, что они принадлежат одному и тому же греховному миру (правда, на разных уровнях его), служат частями его большой, бездушной системы (Нехлюдов покоряется светским требованиям *comme il faut*, Катюша — правилам дома терпимости). Описанный страницей ранее туалет Катюши схож с туалетом Нехлюдова и как бы подготавливает его: «...усталое вставанье с грязной постели, зельтерская вода с перепоя, кофе, ленивое шляние по комнатам в пеньюарах, кофтах, халатах, ... потом обмывание, обмазывание, душение тела, волос, примеривание платьев, ... подкрашивание лица, бровей, сладкая, жирная пища». Более грубые детали описания быта Катюши в доме терпимости лишь подчеркивают сущностное сходство их миров. Таким образом подготавливается и грядущее противоречие: один грешник (присяжный Нехлюдов) готовится судить другого («убийцу» Катюшу). (Пример взят из романа «Воскресение».)

Явление *постройки ступеней* не было обнаружено нами в романе Т. Гарди: герои английского писателя не переходят друг в друга, они отделены друг от друга, намеренно «масочны». В построении образов Гарди используется принцип многослойности: за маской, формульностью, «переодеванием», к которым так любит прибегать Гарди, за авторской иронией скрывается подлинная жизненная трагедия, неразрешенный вопрос. В работе мы детально разбирали нарочитую «масочность», формульность двух мужских образов романа «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». При этом, однако, не найдены примеры постройки ступеней и в структуре героя романа Дж. Джойса.

7. Наконец, во всех трех романах происходят концептуальные инверсии следующего рода: суждения повествователя о герое и слова

героя о самом себе приходят в противоречие с тем, что говорят о герое другие персонажи; так, в романах выражается неоднозначность и конфликт оценок добра и зла, греха и святости, преступления и невинности. При этом если для Джойса основными элементами структуры героя, выражающими концепт «грех», являются внутренняя речь и историческое целое (динамика) героя (его меняющееся отношение к греху можно разделить на четыре фазы, которые представляют собой скорее синусоиду, чем линию эволюции), то для Л.Н. Толстого важнее анализ внешних поступков и постройка ступеней (т.е. выражение характеристик одного героя через другого), т.е. у Л.Н. Толстого задействовано большее количество элементов структуры. Концептуальные характеристики структуры героя в романе Гарди занимают промежуточное положение, т.к. сочетают фазовость, связанную с динамикой внутреннего целого героя, с активностью актантов, препятствующей этой динамике.

8. Роман Дж. Джойса характеризуется принципиальным отличием от двух других романов: концептуальные инверсии реализуются на уровне такого элемента структуры героя, как **внутренняя речь** (что связано с эстетикой литературы потока сознания). Инверсии выражаются в виде проговариваемых про себя вопросов (*right or wrong?*), в виде внутренних споров, при этом взаимодействие с другими героями становится вторичным: главное для Джойса — реконцептуализация греха и освобождение в сознании личности, в то время как для Толстого и Гарди важны социальные параметры, что выражено в более разветвленной структуре героя.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Цель исследования достигнута, и основные итоги работы можно сформулировать следующим образом: 1) концептуальные инверсии (реконцептуализация) греха являются ключевым экспликатором концепта «грех» в трех романах; 2) во всех трех романах реконцептуализация греха происходит через структуры героев (Дмитрия Нехлюдова, Катюши Масловой, Стивена Дедала).

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора:

Научные труды, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК МОиНФ РФ

1. Аверьянова Е.В., Баязитова Г.И., Васильева Ж.Ю., Исаева Е.В., Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н., Новокрещенных Е.В., Соколовская И.В. Проблема

«послушания» (obedience) в англиканской конфессиональной мысли середины 1620-х гг. // Вестник Тюменского государственного университета. № 10. 2013: Философия / Гл. ред. Г.Ф. Шафранов-Куцев. С. 146-153.

2. Новокрещенных Е.В. Проблема религиозного дискурса: дискурс религии или дискурс о религии? // Вестник Тюменского государственного университета. № 10. 2013: Философия / Гл. ред. Г.Ф. Шафранов-Куцев. С. 162-167.

3. Новокрещенных Е.В., Кокси Д.Дж. Концепт «грех» в романе Дж. Джойса «A Portrait of the Artist as a Young Man»: концептуальные инверсии // Вестник Тюменского государственного университета. № 1. 2014: Филология / Гл. ред. Г.Ф. Шафранов-Куцев. С. 57-64.

Другие научные публикации

4. Новокрещенных Е.В. Из опыта определения ядерных номинаций концепта «грех» // Славяно-русский мир в языковом сознании евразийцев: сборник статей 34-й международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. Н.К. Фролова. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. С. 101-106.

5. Новокрещенных Е.В. Интерпретация концепта «грех — *péché*» во французском переводе романа Л.Н. Толстого «Воскресение»: сопоставительный аспект // Множественность интерпретаций: текст и дискурс сквозь призму времен: материалы I студенческой научно-практической конференции Института гуманитарных наук ТюмГУ: Филология, Лингвистика, Издательское дело / Редкол.: Э.В. Кельметр, Е.В. Михалькова, Е.В. Новокрещенных, А.А. Страдчук, Д.В. Шапочкин. Тюмень: Вектор-Бук, 2012. С. 89-101.

6. Концепт «грех» в структуре героя: «Воскресение» Л.Н. Толстого и «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» Т. Гарди // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы десятой международной конференции (Владимир, 24-26 сентября 2013 года), посвященной 60-летию кафедры русского языка. Владимир: Транзит-ИКС, 2013. С. 407-413.

7. Новокрещенных Е.В., Белозерова Н.Н. Структурные реализации концепта «грех» в русской и английской художественной литературе конца XIX в.: концептуальные инверсии (на материале романов Л.Н. Толстого «Воскресение» и Т. Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей») // Лучшие выпускные квалификационные работы 2012 года: сборник статей на основе лучших выпускных квалификационных работ: в 3 ч. Ч. 3: Гуманитарное направление. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2013. С. 118-134.

8. Novokreshchennykh E. Le discours sur le péché : un discours d'autorité ? (La notion de péché dans le roman de James Joyce « Portrait de l'artiste en jeune homme ») // 34e colloque d'Albi « Langues et significations ». Toulouse, 2014. P. 95-101.

9. Novokreshchennykh E. Discovering Hardy's Poetry in the Russian-Speaking World // Literature Compass. Special Issue: Hardy: Diverse Audiences. 2016. Volume 13. Issue 3. P. 203-208 (Web of Science).

Подписано в печать 19.10.2016. Тираж 120 экз.
Объем 1,0 уч. изд. л. Формат 60x84/16. Заказ 899.

Издательство Тюменского государственного университета
625000, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
Тел./факс (3452) 59-74-68, 59-74-81
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru